

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ		
Н. Ю. Коллинский	В. И. Ленин и наследие Ф. Энгельса	3
Л. Ф. Туполева.	Распространение марксизма в Ирландии в конце XIX — начале XX в.	22
А. Э. Штекли.	«Родоначальник утопического коммунизма» и «проблески коммунистических идей»	42
В. В. Согрин.	Э. Беллами и его место в развитии утопического социализма в США	64
К. М. Андерсон.	«Земной рай» доктора Уильяма Кинга	88
Т. А. Павлова.	К изучению «Книги нового нравственного мира»	111
Э. И. Валлич.	Чарлз Холл как критик капитализма	132
М. Н. Захарова.	Т. Джефферсон и проблема собственности	160
Л. С. Чиколини.	Утопия Франческо Пуччи	179
В. В. Карева.	Начало французской истории «Утопии» Томаса Мора. Г. Бюде — первый французский интерпретатор «Утопии»	204
О. Ф. Кудрявцев.	Идея «общности» у Марселио Фичино	226
М. К. Трофимова.	К пониманию «утопии Ямбула» у Диодора Сицилийского	236
ПУБЛИКАЦИИ		
	Письма бельгийского социалиста Сезара Де Папа (1865—1878)	252

Э. Беллами и его место в развитии утопического социализма в США

Эдвард Беллами — последний и одновременно наиболее известный представитель немарксистского социализма США XIX в. Выступив в 1887 г. с романом «Взгляд в прошлое» (он создал свою утопию в том же возрасте, что и его самый знаменитый предшественник в этом жанре — Т. Мор, — 37 лет), Беллами продолжил традицию утопического социализма через полвека после расцвета этого учения. Успех социальной утопии Беллами был необычен — в течение трех лет в США разошлось более 300 тыс. экземпляров романа.

Книгу Беллами приняли восторженно не только в США, но и в европейских странах. Не будет преувеличением сказать, что с ее появлением американская социальная утопия впервые вышла на международную арену. В Англии утопия Беллами сразу вызвала острую борьбу мнений в демократическом движении, а известный социалист У. Моррис, отнесшийся к книге американского автора остро критически, счел необходимым откликнуться на нее собственным утопическим романом. (Утопия Морриса «Вести ниоткуда» не смогла, однако, поколебать популярность идей Беллами.)

Такой успех книги Беллами привлек к ней внимание издателей и переводчиков других стран. Раньше всего она была переведена в России и Германии. Первое издание романа на русском языке было предпринято по инициативе Л. Н. Толстого. Вышедший под названием «Будущий век», которое в большей степени отвечало его смыслу, роман способствовал популяризации идей социализма в России. В 1891 г. на первой маевке, организованной петербургскими рабочими, Ф. А. Афанасьев советовал собравшимся познакомиться с идеалами социализма по книге Беллами. Вслед за первым изданием быстро последовали второе, третье (всего она выдержала с 1889 по 1918 г. пять изданий). В 1906 г. М. Горький, путешествовавший по США, сказал в беседе с филаделфийскими писателями, что «Хижина дяди Тома» и «Будущий век» известны всем русским студентам¹.

Если бы влияние утопии Беллами ограничилось одной читательской аудиторией, его можно было бы отнести за счет литературных достоинств романа. Роман, однако, очень скоро стал и важным общественным явлением: уже в год его издания в самых

разных уголках Соединенных Штатов, преимущественно в крупных промышленных городах — Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, возникли десятки «национализаторских» клубов, объявивших Э. Беллами своим пророком. Оформление белламистского движения означало признание определенными кругами американского общества авторитета выдвинутых в «Будущем веке» социально-политических идеалов. Причем влияние белламистских принципов не ограничилось одним «национализаторским» движением. В 1892 г., когда на съезде в Омахе оформилась популистская партия — самая известная и самая мощная третья партия в американской политической истории за последние 100 лет, пятеро белламистов были привлечены к составлению ее платформы. Школе белламистского движения прошли и некоторые будущие американские марксисты, среди них Д. Де Леон. Не только в США, но и в Англии авторитет Беллами, как отмечает английский историк-марксист А. Мортон, был высок: «В Соединенных Штатах на Беллами стали смотреть как на творца социализма и признали за лидера политической партии, чьей целью было осуществление на практике его утопии „Через сто лет“ (еще один вариант перевода романа. — В. С.). Даже в Англии, где социализм имел более длинную историю, где лучше знали марксизм, существовала сильная тенденция признать авторитетность изображения Беллами картины жизни при социализме»².

Успех вдохновил Беллами на создание в 1897 г. второго социально-философского произведения — «Равенство», в котором выдвинутые ранее принципы получили более систематическое изложение. Кроме того, они подверглись определенному развитию и уточнениям, отразившим опыт национализаторского, популистского и других демократических движений, испытавших воздействие воззрений Беллами. В промежутке между этими двумя главными трудами Беллами написал множество статей, памфлетов. В совокупности они составляют идейное наследие выдающегося американского социалиста-утописта, являющееся неотъемлемой частью американской демократической и антикапиталистической идейной традиции.

Острые споры в американской историографии вокруг идейного наследия Э. Беллами уже сами по себе свидетельствуют, сколь важная роль принадлежит ему в борьбе различных идеологических течений. Для либеральных и консервативных исследователей белламизма, как и для буржуазной историографии европейского утопического социализма, характерно стремление противопоставить его марксизму, заострить внимание на чертах, отличающих белламистские воззрения от научного социализма, и сблизить их в конечном счете с буржуазно-реформистскими доктринами.

¹ См.: *Nikoljukin A. A Little Known Story: Bellamy in Russia.* — In: *Edward Bellamy Abroad: an American Prophet Influence.* N. Y.,

1962, p. 67, 71, 84.

² *Мортон А. Л. Английская утопия.* М., 1956, с. 137.

нами, например «государства всеобщего благоденствия» или «народного капитализма». Не составляют в этом смысле исключения и две наиболее известные в буржуазной литературе биографии Э. Беллами, выделяющиеся среди прочих полнотой использования источников, масштабным выявлением взаимосвязей идей американского социалиста-утописта с другими идейными течениями и с социально-экономическими условиями их формирования. Одна из них, более ранняя, принадлежит А. Моргану, а другая, остающаяся непревзойденной в американской буржуазной историографии, — С. Бауман.

А. Морган видит в социальной утопии Беллами матрицы государственно-монополистических мероприятий Ф. Д. Рузвельта, которые, как он пишет, «кажется, прямо сошли со страниц „Будущего века“»³. С. Бауман, перенося авторской волей Беллами в «будущий век», живописует, как он сталкивается с реализацией утопических принципов в американской действительности 1950-х годов, изображенной по схеме «народного капитализма»⁴.

Консервативно-либеральная трактовка идейного наследия Беллами органически вписывается (а с гносеологической точки зрения вытекает из нее) в теорию американской исключительности, утверждающую, что США развиваются по уникальному историческому пути, которому неизвестны антагонистические и даже сколь-либо острые социальные конфликты и органически чужда социалистическая традиция.

Этой теории, сплотившей вокруг себя в послевоенный период представителей школы консенсуса (согласия), противостоят в рамках немарксистской историографии США радикальная школа, оформившаяся в 1960—1970-е годы под воздействием движения «новых левых». Ее отношение к традиции утопического социализма в США, в том числе и к идейному наследию Э. Беллами, получило наиболее полное выражение в книге С. Линда «Интеллектуальные истоки американского радикализма»⁵. Положительное значение монографии признанного лидера «новой левой» историографии в том, что он стремится вскрыть точки соприкосновения между представителями немарксистского социализма США (среди них и Э. Беллами) и научного коммунизма и тем самым показать, что противоречия американского капитализма вызывают к жизни такие проекты их преодоления, которые по сути не отличаются от антикапиталистических доктрин, генерированных на европейской почве. Недостатки его работы могут быть суммированы следующим образом: во-первых, С. Линд затупевывает различия между научным коммунизмом и немарксистским социализмом и, во-вторых, явно приукрашивает американскую леворадикальную идейную традицию, рассматривая ее в качестве национальной модели антибуржуазных преобразований в США.

Серьезные разногласия в американской историографии, посвященной немарксистскому социализму в целом и одному из его наиболее видных представителей, Э. Беллами, показывают, сколь

остроактуальной является разработка обозначенной темы. В советской американистике выяснение исторического места воззрений Беллами было предпринято В. Л. Мальковым. Значение его статьи заключается прежде всего в раскрытии неразрывной связи белламитского движения с американской радикально-демократической традицией эпохи империализма⁶. Вместе с тем мировоззрение Беллами нуждается в дальнейшем анализе. Первостепенного внимания заслуживают при этом такие стороны и компоненты белламитского учения, как теория формирования и «отрицания» монополистического капитализма, определение объективных и субъективных факторов перехода к социалистическому обществу, отношение к классам и классовой борьбе, взаимосвязь с другими, как европейскими, так и американскими, социалистическими учениями, теория социально-экономической и политической организации идеального общества, наконец, социальные, социально-психологические и идейные истоки его утопии.

Суть подхода марксистской историографии к различным историческим формам утопического социализма заключена, как известно, в следующем знаменитом обобщении из «Манифеста Коммунистической партии»: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»⁷. На первый взгляд может создаться впечатление, что отношение исследователя-марксиста к социальной утопии Э. Беллами, выдвинутой через 40 лет после появления «Коммунистического Манифеста», должно быть не только острокритическим, но и от начала до конца негативным. Такое впечатление оказывается уязвимым, если мы примем во внимание (это, на наш взгляд, не всегда или не в достаточно полной мере делается советскими исследователями послемарксистского утопического социализма), что оценка Марксом и Энгельсом утопического социализма самым тесным образом увязывается со степенью зрелости антагонистических классов и классовой борьбы. Зрелость же классов и классовой борьбы, которая представляет объективную основу преодоления, «изживания» заблуждений утопического социализма, не была и не могла быть

³ Morgan A. E. Edward Bellamy. N. Y., 1944, p. XII.

⁴ Bowman S. The Year 2000: A Critical Biography of Edward Bellamy. N. Y., 1958, p. 315—316.

⁵ Lynd S. Intellectual Origins of American Radicalism. L., 1969.

⁶ Мальков В. Л. К сравнительно-историческому изучению радикальных социальных движений в США. — В кн.: Историческая нау-

ка и некоторые проблемы современности. М., 1969. В работах Б. А. Гиленсона рассмотрено место Беллами в критической художественной литературе США. См., например: Гиленсон Б. А. Социалистическая традиция в литературе США. М., 1975.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 456.

одинаковой во всех странах. Специфика исторического развития американского капитализма как раз заключалась в том, что процесс классового образования, особенно формирования классового самосознания пролетариата, был заторможен и деформирован рядом объективных обстоятельств (они с достаточной полнотой проанализированы марксистской историографией)⁸. А это и создавало условия живучести утопического социализма в Новом Свете.

В канун Гражданской войны 1860-х годов К. Маркс писал, что классы в США «хотя уже существуют, но еще не отстоялись и в непрерывном движении постоянно обновляют свои составные части и передают их друг другу...»⁹. Гражданская война, означавшая завершение эпохи буржуазных революций в США, окончательно перевела страну на рельсы «чистого» капиталистического развития (без рабовладельческой аномалии) и ускорила процесс оформления промышленного пролетариата.

В 1886 г. Эд. Эвелинг и Эл. Маркс после посещения США без некоторого удивления писали: «В Америке... различие между классом капиталистов и рабочим классом... выражено самым отчетливым и бескомпромиссным образом... капиталистическая система прибыла сюда как готовый продукт и со всей присущей ей грубой бесцеремонностью ставит каждого в известность, что современное общество состоит из двух классов и что эти классы враждебны друг другу»¹⁰.

К 1880-м годам относится начало массового рабочего движения, заявившего о себе беспрецедентными успехами первых общенациональных организаций пролетариата США: ордена «Рыцари труда» и Американской федерации труда. Дальнейшая судьба массового рабочего движения была связана с выбором идеологических ориентиров развития. Хотя в его платформе и на практике в конечном итоге возобладала тред-юнионистская линия¹¹, с ней долгое время соперничало более радикальное течение, обреченное так или иначе в социалистическую форму и фразеологию.

Идеалом ордена «Рыцари труда», занимавшего ведущие позиции в массовом рабочем движении до второй половины 1880-х годов (когда он был вытеснен АФТ), с момента своего возникновения в 1869 г. была производственно-потребительская кооперация рабочих. В программе ордена 1884 г. провозглашалось «установление кооперативной промышленной системы», которая должна была покончить с «наемным рабством» и утвердить «гармонию труда и капитала»¹². Фактически орден возрождал кооперативную утопию, в которой можно было обнаружить и отголоски проектов американских оуэнистов и фурьеристов 1820—1840-х годов, и влияние прудонистских и лассальянских идей. Поклонение ордена кооперативной утопии, после того как она была развенчана на конгрессах I Интернационала в 1860-е годы, может показаться анахронизмом, иллюзией, которая пережила породившие ее исторические условия. Однако попытка рассматривать орден только в качестве эпигона кооперативных традиций второй четверти

XIX в. или просто носителя мелкобуржуазных иллюзий в рабочем движении при более внимательном изучении вопроса совершенно очевидно обнаруживает свою уязвимость.

Современные исследования представителей «новой» рабочей историографии США, уделяющих первостепенное внимание социальной психологии, мировоззрению («культуре», по их собственной терминологии) рядовой массы американского рабочего класса, показывают, что орден отстаивал интересы не отсталых, а наиболее квалифицированных слоев промышленного пролетариата¹³. В свете этого платформа ордена предстает уже как выражение тяги широких слоев американского пролетариата к более радикальным социальным идеалам, нежели те, которые воплощала в себе типичная тред-юнионистская организация. Это стремление обнаруживает себя в деятельности не только ордена, но и других объединений рабочих, в том числе и в позиции АФТ первых лет существования. Так, в 1893 г. на съезде АФТ была рассмотрена «политическая программа», созвучная радикальной антимонополистической платформе популистской партии 1892 г. и, конечно же, белламистского движения. Она, в частности, воспроизводила требования популистов и белламистов о национализации телеграфа, телефона, железных дорог и горной промышленности, о муниципализации систем городского транспорта, водогазо-электроснабжения. Венчал программу пункт об установлении «коллективной собственности всего народа на все средства производства и распределения» (программа была одобрена подавляющим большинством низовых организаций АФТ, но подверглась неузнаваемым изменениям благодаря усилиям руководства на съезде 1894 г.)¹⁴.

Радикальные настроения и устремления американского пролетариата последней четверти XIX в. легко прослеживаются на примере других национальных объединений рабочих (Американского железнодорожного союза, Западной федерации горняков и т. д.)¹⁵. Вместе с тем совершенно очевидно, что рабочее дви-

⁸ Наличие «свободных земель» и широкие возможности развития капитализма «вширь» позволяли большей части рабочих США организовывать на накопленные сбережения собственное дело и порождали мелкобуржуазные иллюзии и настроения. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 152; т. 21, с. 263—264.

⁹ Там же, т. 8, с. 127.

¹⁰ Цит. по кн.: Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США. 80-е годы XIX в. М., 1966, с. 45.

¹¹ Аскольдова С. М. Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976.

¹² Powderly T. Thirty Years of Labor, 1859 to 1889. Columbus, 1890, p. 453, 464.

¹³ Dubofsky M. Industrialism and the American Worker, 1865—1920. N. Y., 1975.

¹⁴ Kipnis S. The American Socialist Movement, 1897—1912. N. Y., 1957, p. 13.

¹⁵ Этот вопрос рассмотрен в статье: Согрин В. В. Об идейных позициях рабочего движения в США в эпоху смены «свободного» капитализма империализмом. — В кн.: К вопросу о смене общественно-экономических формаций и типах социальных революций. М., 1975, с. 49—92.

жение США делало только первые шаги на пути к выработке научного классового сознания и должно было «переболеть» различными видами утопического социализма, сохранявшего значение как средство воспитания у широких слоев критического отношения к буржуазному строю и готовившего их к усвоению более высоких форм классового сознания.

Эти особенности формирования классового сознания американского пролетариата в полной мере учитывались основоположниками научного коммунизма. Так, Ф. Энгельс в 1880-х—первой половине 1890-х годов требовал от американских социалистов приспособиться к живому рабочему движению, осознать, что на пути к освоению пролетариатом США научного коммунизма лежит целый ряд промежуточных этапов¹⁶. Социалисты США не сумели, однако, внять этим советам Энгельса, заняли сектантскую позицию в отношении массового рабочего движения и его устремлений. В результате их деятельность оказалась на долгие годы ограничена общиной немецких рабочих-иммигрантов, а живое американское рабочее движение, стремившееся к радикальным социальным преобразованиям, вовлекалось в антимонополистическую борьбу фермерства, в движение христианских социалистов, возглавляемое Д. Херроном, У. Блиссом, У. Раушенбешем, наконец, в белламистское движение.

Для выяснения социальных корней утопии Беллами важен анализ всей совокупности социальных противоречий США этого периода. А для выяснения своеобразия его утопии, ее места в традиции американского утопического социализма и утопического социализма в целом важно понимание качественных особенностей той фазы капитализма, в которой сложились воззрения Беллами. Хорошо известно, что проекты всех социалистско-утопистов были непосредственно связаны с конкретно-историческими формами и задачами борьбы трудящихся против эксплуатации. Так, бабунизм оформился на почве разочарований французских низов в итогах Великой буржуазной революции конца XVIII в., а распространение фурьеристских идей в 30—40-е годы XIX в. отразило рост недовольства эксплуатируемых масс в условиях промышленного переворота. Система же Э. Беллами вырелась и оформилась в эпоху перехода от «свободного» капитализма к монополистическому. В своеобразии экономических условий и классовой борьбы этой эпохи — «ключ» к системе утопического социализма американского мыслителя.

Эпоха перехода к империализму¹⁷ характеризуется в США необычайно резким, беспрецедентным обострением традиционно присущего капиталистическому обществу конфликта между мелкой и крупной буржуазией, который на высшей стадии капитализма, по определению В. И. Ленина, «возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени»¹⁸. В борьбу против монополистических объединений вовлекаются сотни и сотни тысяч разоряющихся фермеров и городских мелких предпринимателей, которые объединяются в массовые движения — Гринбэкерское, грейнд-

жерское, популистское. Развитие антимонополистических движений идет по восходящей линии и сопровождается радикализацией сознания как руководства, так и рядовых участников. В 1880-е годы, когда происходят первые крупные монополистические слияния в США (их символом стал нефтяной трест «Стандард ойл», возникший в 1881 г.), возникает и множество фермерских производственно-сбытовых кооперативов, деятельность которых включала массовые сходки, широкое обсуждение и осуждение экономического гнета корпораций, политической коррупции, организацию демократических народных празднеств. На их волне, как это показано в новейшем фундаментальном исследовании американского историка Л. Гудвина, рождается народная «популистская культура», важнейшими компонентами которой были классовая солидарность, взаимопомощь, сострадание к угнетенным и острая критика верхов¹⁹.

Платформа массового антимонополистического движения 1880—1890-х годов означала решительный отход от господствующей индивидуалистической идеологии и все большее приближение к той границе, за которой начиналась антикапиталистическая критика. Для его духовных вождей была характерна идентификация интересов фермерства, разоряющихся мелких предпринимателей и пролетариата, объединение этих слоев в категорию «труженики», «ограбленные». Понятие «капитал» распространялось на одни только монополии. Противопоставляя «тружеников» и «капитал», вожди угнетенной мелкой буржуазии требовали подвергнуть последний жесткому контролю со стороны государства и постепенно подходили к идее обобществления всех монополий, которая воплотилась в платформе популистской партии 1892 г.²⁰ Важнейшее место в американской демократической мысли занимала защита не только социально-экономических, но и политических прав народа. Двухпартийная система была заклеяна как орудие капитала (читай: монополий), ей противопоставлялась новая политическая структура народоправства, включавшая радикальные средства «прямой демократии».

Социальная психология и идеология массовых общественных движений эпохи перехода к империализму и составили «народные истоки» социальной утопии Э. Беллами. Два обстоятельства имеют, на наш взгляд, решающее значение для понимания генезиса и характера воззрений американского «пророка»: сознание и требования рабочего класса были отмечены нарастающим критическим отношением к капиталистической эксплуатации, которое

¹⁶ См.: Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 351, 352; т. 36, с. 488, 498; т. 39, с. 207.

¹⁷ Ее хронологические рамки были определены В. И. Лениным: начало ее относится к 1860—1870-м годам, а окончание — к 1900—

1903 гг. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 317.

¹⁸ Там же, с. 341.

¹⁹ Goodwyn L. Democratic Promise: The Populist Movement in America. N. Y., 1976.

²⁰ National Party Platforms, 1840—1956. Urbana, 1956, p. 168.

было существенно отягчено грузом мелкобуржуазных заблуждений; сознание и идеология угнетенной и разоряющейся мелкой буржуазии радикализировались, как никогда раньше, в американской истории.

Непосредственное приобщение Э. Беллами к острым социальным проблемам американской действительности относится к началу 70-х годов XIX в., когда 22-летний юноша дебютировал в качестве автора передовиц известного общественно-политического еженедельника «Юнион». Предшествующий «ученический» период жизни Беллами примечателен весьма широким диапазоном увлечений: от интереса к военной карьере, вошедшей в моду под воздействием Гражданской войны (юноша отказался от нее из-за болезни), до пристрастия к традиционно престижной в Америке профессии юриста. В этот период он окончил колледж, успел совершить путешествие в Европу, выступил с рядом литературных опытов (первым среди них некоторые биографы склонны считать ученическое эссе «Законы для республики Сан-Доминго», написанное в 1861 г.). Литературные способности Беллами проявились сравнительно рано, с 1871 г. он уже безраздельно отдает себя писательскому ремеслу.

В течение шести лет работы в «Юнион» Беллами писал передовые статьи об антимонополистических выступлениях фермеров, росте стачечной волны, начале которой (1873 г.) совпало с самым острым экономическим кризисом в истории американского капитализма. о безработице, разорении мелкой буржуазии и возвышении «капитанов индустрии», о коррупции в политике и движении суфражисток. Так был накоплен богатейший материал для выработки критического отношения к социальным проблемам монополизирующейся Америки. Беллами выступал также в качестве литературного критика «Юнион», был рецензентом всех сколько-нибудь известных европейских и американских романистов своего времени. В 1878 г. он и сам дебютировал на поприще беллетристики. За десять лет, предшествующих выходу в свет его знаменитой социальной утопии, Беллами написал четыре романа. Лучший среди них, «Герцог Стокбриджа» (1879), посвященный восстанию бедноты под предводительством Д. Шейса на завершающем этапе Американской революции конца XVIII в., свидетельствовал о безусловной склонности автора к социально-политической проблематике.

Анализ литературно-критической деятельности Беллами позволяет выявить основные направления его мировоззренческой эволюции. Совершенно очевидно его горячее сочувствие народным массам. В «Герцоге Стокбриджа»²¹, первом в американской литературе романе, показавшем заботы и устремления рядовых участников Войны за независимость, Беллами последовательно проводит идею: политическая демократия, не будучи дополнена установлением социально-экономического равенства, превращается в свою противоположность — всевластие верхов. Он оправдывает обращение низов к насильственным методам достижения своих целей,

что звучит очевидным диссонансом с позицией, занятой им в социально-утопических романах.

В 1870-е годы Беллами проявляет интерес к социалистическим идеям. По свидетельству его брата Фредерика, он в начале 70-х годов познакомился с одним из родоначальников утопического социализма в США, А. Брисбейном, идеи которого вызвали у него симпатию. В 1875 г. он высказывается в пользу муниципального социализма. Близки ему и идеалы христианского социализма. По самой религии, как и бога, Беллами, порывая с семейными традициями (его отец был священнослужителем), воспринимает все более скептически. В 1873 г. в эссе «Религия солидарности» он приходит к отрицанию бога, а из религии соглашается принять только христианскую этику солидарности людей.

Обращаясь к утопии Э. Беллами, нетрудно обнаружить, что он был знаком с очень многими социалистическими и социально-критическими учениями, но ни одно из них не было непосредственным источником его утопии. В отличие от большинства американских социалистов-утопистов, которые принадлежали или к оуэнистам, или к фурьеристам, Беллами был оригинальным мыслителем. Он выдвинул собственную альтернативу монополистическому капитализму. Его приоритет во всесторонней радикальной критике монополистического капитализма подтверждается и тем обстоятельством, что выступившие против капиталистической эксплуатации в ее высшей, монополистической форме широкие слои американского общества сплотились первоначально вокруг имени Беллами (в то же время Социалистическая рабочая партия, присягнувшая марксизму, но применявшая его догматически и не отреагировавшая в сколько-нибудь полной мере на новые свойства капитализма, не смогла увлечь их за собой). Утопию Беллами можно соотнести с предшествующими социалистическими учениями, но вывести ее из них невозможно. Здесь мы имеем дело с своеобразной исторической закономерностью: развитие капитализма, каждая его новая фаза способны вызывать к жизни все новые альтернативы, подтверждающие каждый раз историческую обреченность буржуазного общества.

Оригинальность Беллами, конечно, не исключала влияния на него многовековой утопической социалистической традиции, которая помогла мыслителю оформить критическое отношение к складывающейся высшей стадии капитализма. Более того, если социальная утопия Беллами не совпадает ни с одним из конкретных социалистических учений, то она вполне соотносится с определенными их типами. Прежде всего это принадлежность к тем социальным учениям, которые ставят вопрос о необходимости коренного преобразования самих основ капиталистического строя, и отличие от тех мелкобуржуазных социалистических доктрин

²¹ *Bellamy E. The Duke of Stockbridge. A Romance of Shay's Rebellion. Boston, 1879.*

(Луи Блана, Прудона и др.), которые ограничиваются провозглашением умеренных социальных проектов.

Названную типологическую черту утопии Беллами особенно важно подчеркнуть в связи с попытками буржуазной историографии США причислить мыслителя к заурядным либералам, объявить его провозвестником или «государства всеобщего благоденствия», или «народного капитализма», или «постиндустриального общества». Сам Беллами, определяя свое отношение к распространяемым социальным учениям своего времени, решительно отмежевывался от доктрин, оставлявших вне поля зрения первооснову капиталистической эксплуатации. В «Будущем веке» он решительно осудил теорию перфекционизма, снимавшую вину за социальные бедствия с господствующих общественных отношений и перелагавшую ее на несовершенную природу человека. Природа человека, ее дурные и положительные стороны, полемизирует Беллами с перфекционистами, зависят в первую очередь от общественных условий, в которые заключено существование индивидуума. Он решительно высказывается за преобразование этих отношений²². В «Равенстве» Беллами высмеивает буржуазно-реформистские проекты, которые сводились к «бесчисленным реформам, включающим в себя фабричное законодательство, указы о сокращении рабочего дня, пенсиях для престарелых, об улучшении жилищных условий, расчистке трущоб и другие всевозможные политические снадобья против отдельных язв, являющихся следствием системы частного капитализма»²³.

Беллами критикует и более радикальные, но не разрушительные для частнокапиталистических основ проекты социальных преобразований. Он отвергает различные синдикалистские доктрины, преувеличивавшие роль профсоюзов в борьбе за интересы пролетариата (даже анархо-синдикализм казался ему учением, направленным против частного зла). Наконец, он, порывая с традицией оуэнистско-фурьеристского утопического социализма, показал несостоятельность надежд на преодоление капиталистических общественных отношений путем насаждения производственно-сбытовых кооперативов и коммунистических колоний. Выражая сочувствие бескорыстным энтузиастам, организовывавшим подобные кооперативы и колонии, Беллами утверждает, что они никогда не могли и не смогут достичь такого экономического могущества, которое позволило бы им взять верх над системой «частного капитализма»²⁴.

Беллами предлагает коренные преобразования капиталистической системы (сам он обозначает ее термином «частный капитализм»). Возможность такого преобразования он выводит из закономерностей экономической эволюции капитализма, неизбежно ведущей к его самоотрицанию, самоизживанию. Хотя его доктрина перехода к идеальному обществу предполагала определенную зрелость субъективного фактора (подготовленность широких народных масс к преобразованию общественных отношений), Беллами видел ее превосходство над многими другими социаль-

ными учениями (связывавшими надежды на общественное переустройство исключительно с просвещением масс) в том, что она покоится на объективных закономерностях экономической эволюции. Итак, еще одна типологическая черта системы Беллами — принадлежность к социально-утопическим учениям, обосновывающим единство субъективных и объективных предпосылок общественного переустройства.

Совершенно очевидно, что Беллами выводит неизбежность крушения капиталистической системы, используя язык паучного коммунизма, из доведенного до крайности противоречия между общественным характером труда и частным способом присвоения. Это противоречие возникает, по Беллами, в ходе процесса монополизации (утопист не замечает его на предшествующей стадии капитализма), который приводит к сосредоточению богатств общества в руках корпораций и к разорению, обнищанию всех остальных общественных классов. Складывающийся парадокс — производство богатств подавляющим большинством общества и их присвоение олигархией синдикатов — становится настолько очевидным и нетерпимым, что в США, пророчествует автор «Будущего века», грядет революция (термин самого Беллами), санкционирующая передачу всей собственности в руки государства²⁵.

Беллами, ранний критик высшей стадии капитализма, абсолютизировал отрицание «свободной» конкуренции монополий. Исторический опыт доказал, что утверждение сверхмонополизации, «чистой монополии» невозможно. В начале XX в., определяя диалектику взаимоотношений между свободной конкуренцией и монополией, В. И. Ленин, видевший в монополии «прямую противоположность свободной конкуренции», указывал в то же время, что «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»²⁶.

Абсолютизация отрицания «свободной» конкуренции монополией была характерна не только для Э. Беллами, но и для других радикальных социальных критиков. С аналогичных позиций подходил к процессу монополизации и лидер левого крыла популистской партии Г. Д. Ллойд. Подобно Беллами, он заключал, что развитие монополизации должно закончиться крахом конкуренции и утверждением в каждой отрасли неограниченной диктатуры одного гигантского предпринимательского объединения. Как и Беллами, он полагал, что «вымывание» независимых предпринимателей должно было завершиться полным уничтожением мелкой и средней собственности и сведением социальной структуры обще-

²² *Bellamy E. Looking Backward. Boston (Mass.), 1967, p. 101.*

²³ *Bellamy E. Equality. N. Y., 1897, p. 351.*

²⁴ *Ibid., p. 351—353.*

²⁵ *Bellamy E. Looking Backward, p. 125—130.*

²⁶ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385—386.*

ства лишь к двум классам: собственников-монополистов и немущих²⁷.

Односторонний характер анализа монополизации Беллами, Ллойдом и их единомышленниками был обусловлен в значительной степени особенностями экономического развития США в переходный от «свободного» капитализма к империализму период — 1870—1890-е годы, когда в отраслях, где образовывались тресты, фактически не возникали предприятия, способные конкурировать с ними. Так, нефтяной трест «Стандард ойл», послуживший Ллойдом основанием для обобщений, установил неограниченную диктатуру в отрасли, захватив 95% нефтеочистки. Аналогичная картина сложилась в других отраслях. Только в начале XX в., после полного оформления монополистического капитализма, этот процесс дал трещину и место устрашающей «чистой» монополии заняла монополистическая конкуренция. Период перехода к империализму ознаменовался и необычайно интенсивным разорением мелких собственников, темпы которого, казалось бы, неопровержимо свидетельствовали о том, что в скором времени в США не должно остаться ни одного представителя среднего класса, традиционно рассматривавшегося в качестве социальной опоры Америки. В изменившихся условиях, доказывал Беллами, утверждение идеалов социального равенства и справедливости требовало национализации²⁸ предпринимательских объединений, достигших размеров гигантских синдикатов, замены, употребляя терминологию самого американского утописта, «частного капитализма» «общественным капитализмом»²⁹. Аналогичным был и ход рассуждений Г. Д. Ллойда³⁰.

Слабые стороны анализа монополизации у Беллами не отрицают многих бесспорных положений его критики высшей фазы капитализма. Беллами выделялся среди подавляющего большинства тех мелкобуржуазных критиков монополий (к ним принадлежал долгое время и Г. Д. Ллойд), которые видели в них возвращение к средневековым корпорациям и противопоставляли утверждающемуся господству предпринимательских объединений «золотой век» свободной конкуренции. Беллами решительно раскритиковал доктрину восстановления свободной конкуренции, равнозначную апологию попятного исторического развития. Он показал, что переход к монополистическому капитализму неизмеримо увеличивает возможности накопления материальных благ и означает безусловный прогресс с экономической и технико-производственной точек зрения. Историческая «вина» монополий заключалась не в сокрушении свободной конкуренции, а в присвоении все возрастающих материальных благ немногочисленными владельцами корпораций. Решение проблемы монополий, отвечающее требованиям общественного прогресса и закономерностям экономической эволюции, по его мнению, состояло не в восстановлении свободы конкуренции, а единственно в обобществлении предпринимательских объединений.

Беллами, придерживаясь идеи о примате отношений собствен-

ности при определении характера политической структуры, сумел одним из первых в США показать, как сосредоточение экономической власти в руках горстки монополистов ведет к утверждению их безграничного контроля во всех сферах общественной жизни, к подавлению политической демократии. Критика этих последствий монополизации становится в работах Беллами еще одним важным аргументом в пользу замены системы «частного капитализма», достигшей высшей фазы в своем развитии, системой «общественного капитализма». Положение о том, что монополизация ставит предел дальнейшему прогрессивному развитию социально-экономических и политических прав и свобод при капитализме — одна из наиболее сильных сторон социального учения Беллами.

Обоснование объективных предпосылок перехода к справедливому общественному устройству являлось новым словом в утопическом социализме США. До этого утопический социализм США ограничивался апелляцией к естественным правам человека, к «золотому веку» без имущественного разделения людей. Естественноправовое обоснование несправедливости капиталистического строя применялось, как будет показано ниже, и Беллами, но для него это было скорее данью американской демократической традиции. Отныне предложенное им обоснование экономических предпосылок исторической обреченности капиталистического строя становится неотъемлемой чертой всего немарксистского социализма США в эпоху империализма.

В «Будущем веке» Беллами не уделил практически никакого внимания субъективным предпосылкам сокрушения «частного капитализма». Переход к идеальному общественному устройству в этом романе совершается не только безболезненно, но и механически после того, как происходит объединение промышленности в «единый синдикат», а идея его обобществления становится достоянием «здорового смысла» и завоевывает на свою сторону как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Опыт социальных дви-

²⁷ *Lloyd H. D. Wealth Against Common Wealth*. N. Y., 1894, p. 434—444, 551; *Idem. Lords of Industry*. N. Y., 1903, p. 200—201.

²⁸ Отсюда и название идеального общества Беллами — «Национализаторское» — и социального движения, возникшего под влиянием его идей.

²⁹ *Bellamy E. Equality*, p. 150.

³⁰ С определенными оговорками можно говорить об оформлении в США в период перехода к империализму целого направления утопического социализма, предполагавшего неизбежность обобществления монополий в результате широкого народного волеизъявления.

ния. А. Мортон видит в доктрине Беллами «очень раннее и соответствующее очень наивное изложение... теории сверхимпериализма, состоящей в том, что монополистический капитал, устранив конкуренцию, механически и безболезненно превратится в свою противоположность» (*Мортон А. Л. Указ. соч.*, с. 186). В оценке Мортонна, на наш взгляд, есть неточность. Беллами не предполагал автоматического краха капитализма, хотя переход к противоположному общественному порядку и совершался в его утопии мирным путем.

жений 1890-х годов, выступлений популистов, острой классовой борьбы пролетариата, политической деятельности самих белламистов, видимо, убедил Беллами в полной неправдоподобности такого пути. В 1897 г. в «Равенстве» мы встречаемся уже с рассмотрением субъективных предпосылок «национализаторской революции».

В «Равенстве» Беллами пишет о двух ее этапах. Первый этап, начавшийся в 1873 г., ознаменовался самым глубоким экономическим кризисом в американской истории и возникновением мощного рабочего и фермерского движений, направленных объективно против частнокапиталистической эксплуатации³¹. Беллами вскрывает важную причину отсутствия этих мощных социальных движений до Гражданской войны: тогда среди общественных коллизий безраздельно господствовала проблема рабства, и до тех пор, пока она не была решена, другие социальные контрасты оставались приглушенными. Ведущими силами первого этапа «национализаторской революции» Беллами называет рабочий класс и фермеров. В их выступлениях он выделяет две стороны. Первая заключается в оформлении и нарастании в ходе этих выступлений коллективного протеста против частнокапиталистической эксплуатации, что означает психологическую подготовку революции. Другая сторона состоит в том, что обе ведущие силы социального протеста не могут прийти к определению верных путей ликвидации противоречий и пороков частного капитализма. Рабочие, доказывает Беллами, сосредоточились на требованиях, которые могли лишь частично улучшить условия их существования. Беллами точно охарактеризовал ограниченность тред-юнионистского мировоззрения, не поднявшегося до понимания того, что «при системе, подчиненной накоплению прибыли, покупательная способность всегда будет неизмеримо ниже производственных возможностей»³². А это предопределяет неизбежность перепроизводства, кризисов, безработицы, нищеты. Фермеры же обратили весь свой гнев против финансовой политики правительства, финансового капитала, что нашло выражение в канонизации ими идеи «дешевых денег».

Беллами достаточно точно характеризует слабости стихийных выступлений масс. Его анализ, в частности, отразил и ту истину, что стихийное движение пролетариата не выходит за рамки тред-юнионистского сознания, не поднимается до научного понимания противоречий капитализма и путей их ликвидации. А выдвинутое Беллами положение о том, что истинные способы ликвидации противоречий «частного капитализма» должны быть выработаны интеллигенцией и внесены после этого в стихийное движение трудящихся масс³³, перекликается некоторым образом с учением научного социализма о соотношении стихийности и сознательности в освободительном движении пролетариата (различия между теорией Беллами и научным социализмом в этом вопросе слишком очевидны для того, чтобы специально останавливаться на них). Вместе с тем Беллами явно недооценивает революцион-

ный потенциал пролетариата, видит в нем не субъект освободительной борьбы, а только сырой материал, которым должна разумно распорядиться просвещенная интеллигенция.

Просвещенная интеллигенция становится в романе Беллами подлинной вдохновительницей и гегемоном второго, завершающего этапа перехода к идеальному обществу. Различия между вторым и первым этапами значительны. Первый — этап стихийной классовой борьбы — был одновременно, по определению Беллами, «иррациональным» этапом. Вторым — этап рациональных и в то же время мирных способов борьбы за идеальное общество. В романе «Равенство» Беллами датирует его начало рубежом 1880—1890-х годов, т. е. временем опубликования «Будущего века».

Второй этап революции у Э. Беллами совершается на основе институтов буржуазной демократии, среди которых важнейшее значение приобретает всеобщее избирательное право и выборность всех органов государственной власти. Сам Беллами, впрочем, далек от идеализации сложившейся практики буржуазной демократии. Предвосхищая «разгребателей грязи» — радикальных мелкобуржуазных критиков американской политической системы начала XX в., он показывает, как выборы на самых разных уровнях организуются экономическими владыками и их политическими креатурами. Однако Беллами надеется сломить силу закулисного политического механизма после свершения революции и в сознании масс избирателей. Просветительские надежды и иллюзии Беллами опираются на американскую демократическую идейную традицию. Она была вышестована еще просветителями-демократами — Т. Джефферсоном, Т. Пейном, Б. Рашем — и оставалась знаменем передовых сил Америки, в том числе и социалистов-утопистов, на протяжении всего XIX в. Хотя просветительские идеалы раз за разом терпели поражение (причиной тому была безраздельная гегемония буржуазии в сфере культуры, просвещения, идеологии), вера в них не ослабевала.

Критикуя концепцию «просветительской революции» Беллами, отметим, что она остается убеждением представителей немарксистского социализма в США и на протяжении всего XX в. А близкие к ним лидеры «новых левых» 1960-х годов по сути дела свели все революционные факторы к одному единственному — «революции сознания».

Связь Беллами с традицией утопического социализма проявляется, может быть, ярче всего в стремлении выступить от имени всего общества, провозгласить внеклассовую веру, способную сплотить самые разные социальные силы. Как и другие социалисты-утописты, он сочувствует самым угнетенным слоям буржуазного общества, но жертвами «частного капитализма»

³¹ Bellamy E. Equality, p. 320—324.

³² Ibid., p. 324.

³³ Ibid., p. 325—326.

считает не только эксплуатируемых, но и эксплуататоров. Исследуя в отличие от многих социалистов-утопистов экономическую первооснову капиталистической эксплуатации, он вместе с тем склонен трактовать частнокапиталистическую конкуренцию лишь как ложную моральную установку — «применение к человеческому обществу животного закона борьбы за существование и выживание сильнейших и наиболее приспособленных»³⁴. Приравняв конкуренцию к моральной категории, Беллами попадал в плен к раскритикованному им самим перфекционизму и уже полагал возможным преобразовать с помощью просвещения природу капиталистов. В результате конечный акт «национализаторской революции» — обобществление чудовищного синдиката — санкционируется в его утопии как эксплуатируемые, так и эксплуататорами³⁵.

Изображение Беллами идеального общества представляет собой шаг вперед по сравнению с предшествующей традицией американского утопического социализма, но оно, как и картина перехода к новому социальному устройству, исполнено глубоких противоречий.

Современников привлекли очевидные литературные достоинства романов Беллами: мастерски пользуясь сократовским диалогом, языком и приемами художественной литературы, американский утопист убедительно доказывает превосходство новой социальной системы над старой. Однако истинная причина успеха первого романа Беллами объяснялась все же не литературными достоинствами, а тем, что автор смог предложить необычайно привлекательное и приемлемое для сознания эксплуатируемых слоев американского общества решение всех острых проблем и противоречий капитализма, вступившего в высшую фазу своего развития.

При сопоставлении идеального общества Беллами с предшествующими социальными утопиями может создаться впечатление, что предлагаемая американским мыслителем система не более как удачная художественная компиляция уже известных доктрин. Это объясняется совпадением критикуемых ими черт капитализма и тем, что черты идеального общества конструируются по принципу «от обратного», на основе создания простой антитезы буржуазному обществу. Но в то же время утопия Беллами — продукт монополистической фазы капитализма.

Одна из ярких отличительных черт социальной системы Беллами — централизация всех экономических и политических функций общества. Государство сосредоточивает в своих руках организацию, планирование и управление экономикой, подготовку и расстановку рабочей силы, строительство и распределение жилья, социальное обеспечение. Эта степень централизации, которой не знает ни одна из предшествующих социальных утопий, отразила в первую очередь ту степень концентрации и централизации собственности, производства, экономических связей, которой достиг американский капитализм на монополистической фазе.

Беллами не сомневался, что огосударствление всех социально-экономических функций вытекает из закономерностей экономической эволюции и что, следовательно, это единственно возможная альтернатива «частному капитализму». Поэтому ему казались крайне наивными проекты самоуправляющихся производственных коммун, которые предлагали американские оуэнисты и фурьеристы во второй четверти XIX в.

Концепция огосударствления социально-экономических функций общества отразила, кроме того, позицию всех демократических сил американского общества эпохи перехода к империализму. Не будет преувеличением сказать, что вопрос о роли государства в социально-экономическом развитии оказался в центре споров между силами демократии и реакции в США конца XIX — начала XX в.³⁶ Консервативные и реакционные круги, вооружившись доктриной индивидуализма в ее самой одиозной социал-дарвинистской трактовке, доказывали, что любое государственное вмешательство в социально-экономическое развитие способно только исказить «естественный прогресс», привести в конечном итоге к краху цивилизации. Формулы «государственного невмешательства» и «естественного прогресса», ставшие кредо монополий, освящали не что иное, как неограниченное частнокапиталистическое накопление, эксплуатацию трудовых масс, поглощение неудачливых мелких предпринимателей («менее приспособленных» особей, по терминологии социал-дарвинистов). Рабочее и демократическое движение, напротив, требовало максимального расширения социально-экономического законодательства и других государственных мер, призванных оградить общественные низы от хищнических устремлений «наиболее приспособленных» особей. Беллами своей концепцией полного огосударствления социально-экономических функций общества только доводил до логического конца требования эксплуатируемого большинства.

В романе «Будущий век» между Дж. Уэстом — миллионером и индивидуалистом, пробудившимся от летаргического сна в родном Бостоне через 113 лет, и одним из интеллектуалов нового общественного строя, доктором Литом, происходит примечательный диалог. Уэст, приверженец концепции государства — «ночного сторожа», ограничивающей полномочия публичной власти военно-полицейскими функциями, доказывает, что правительство должно ограждать личность и общество только от их врагов и что более широкое истолкование его прерогатив ведет к нарушению свобод индивидуума. «Но кто, скажите ради бога, является врагом общества? — восклицает в ответ Лит, — Франция, Англия,

³⁴ Беллами Э. Общественное движение, возникшее в Америке под влиянием книги «Через сто лет». Помочь. Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892, с. 223.

³⁵ Bellamy E. Looking Backward, p. 49; *Idem*. Equality, p. 241, 273.

³⁶ Подробно об этом см.: Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

Германия или голод, холод, нищета?»³⁷ Перечислив среди врагов общества и все остальные пороки капитализма: безработицу, перепроизводство, нищету, кризисы, инфляцию, паразитическое существование одних и непомерный труд других, Литт показывает, что их устранение и утверждение подлинных социально-экономических функций и свобод всех членов общества невозможно без расширения функций государства. Благодаря этим новым функциям публичной власти «ни один из членов общества не чувствует заботы о завтрашнем дне или о будущем своих детей, так как нация берет на себя заботу о воспитании, образовании и наилучшем содержании всех своих граждан со времени появления их на свет и до самой смерти»³⁸. В то же время в идеальном обществе Беллами отпадает необходимость в прежней полицейской функции правительства, поскольку там нет почвы для классовой борьбы, преступности и других пороков «частного капитализма».

Беллами уделяет особое внимание социальным функциям государства. И это понятно. В США его времени отсутствовали даже зачатки системы социального страхования и обеспечения. В этом отношении страна оказалась позади не только Англии, но и бисмарковской Германии. В социальной утопии Беллами вводится самая полная система социального обеспечения. Причем престарелые, инвалиды и другие нетрудоспособные граждане получают такие же доходы и пользуются точно такими же привилегиями, как и трудовое население. По понятиям Уэста, это унижающая человеческое достоинство благотворительность, а по убеждениям Литта — азбучная истина гуманизма и реализация первого среди естественных и неотчуждаемых прав личности — права на жизнь и человеческое достоинство³⁹.

Беллами подробно показывает, как государство осуществляет централизованное управление и планирование экономики, что позволяет учитывать запросы всех членов общества и максимально удовлетворять их. В экономические функции правительства входит также обеспечение полной занятости, подготовка рабочей силы, ее рациональное распределение. Рыночный механизм перестал быть фактором, регулирующим развитие производства и распределение рабочей силы. Так, вслед за государством «ночного сторожа» изживает себя еще один институт старого порядка.

Регулирующая функция государства в утопии Беллами, с одной стороны, ликвидирует безработицу, а с другой — уничтожает все возможности для паразитического существования. По закону о всеобщей обязательной трудовой повинности все члены общества проходят 24-летний срок службы в «промышленной армии», которую возглавляет президент республики. При этом первые три года службы они обязаны отработать в тех отраслях, куда направит их президент, и только после этого имеют право выбора профессии.

Хотя такая схема организации трудовых ресурсов и сил нации направлена против двух социальных пороков «частного капита-

лизма»: безработицы среди трудящихся и праздного существования верхних социальных слоев, она довольно малопривлекательна, поскольку отдаст каким-то механизированным порядком, раз и навсегда заданной рутинной. Расправившись с язвами капитализма при помощи закона, вызывающего ассоциацию с всеобщей воинской повинностью, Беллами ослабил притягательность своей социальной утопии.

Противоречива схема распределения национального продукта, выдвинутая в утопии Беллами. Она утверждает идею абсолютного равенства в доходах, что воспринимается как отзвук грубоуровнительного социализма и шаг назад даже в традиции социальных утопий. Однако в романах Беллами эта равная доля для каждого члена идеального общества настолько велика, что дает ему возможность удовлетворить все свои потребности⁴⁰. Чем объяснить твердую приверженность Беллами идее абсолютного равенства доходов? Мотивы ее существенным образом отличаются от мотивов представителей грубоуровнительного социализма. Так, ограниченность материальных ресурсов общества не имеет никакого отношения к концепции распределения, выдвигаемой им. Он рисует картину высокоразвитого в технической, материальной, духовной областях общества, способного и готового сполна удовлетворить потребности и запросы всех своих граждан. В свете этого объяснение приверженности Беллами абсолютному равенству доходов следует опять-таки искать в американской действительности эпохи перехода к монополистическому капитализму.

Никогда прежде пропасть между экономическим положением эксплуататоров и эксплуатируемых не достигала в США такой глубины, как в последней четверти XIX в. Это был период наиболее интенсивного образования миллионных состояний и одновременного разорения сотен тысяч неудачливых американцев. Идея равенства становится боевым кличем демократических движений. Своеобразным, выраженным в крайней форме откликом на чаяния угнетаемых масс и явилась предложенная Беллами концепция распределения. Ей может быть дано еще одно объяснение, вытекающее уже из особенностей социального мышления автора. Американский утопист, как это видно из его романов, не сомневался в том, что любое, даже слабое экономическое неравенство ведет к различиям в образе жизни, психологии, сознании, манерах и выливается так или иначе в кастовое разделение. И дабы исключить этот неприемлемый для него результат, утопист категорически потребовал введения абсолютного равенства доходов.

Отличие Беллами от представителей грубоуровнительного социализма ярко проявляется в том, что он решительно возражает против каких-либо регламентаций потребления со стороны правительства. «Действия правительства или большинства, — разъяс-

³⁷ *Bellamy E. Looking Backward,*

p. 129.

³⁸ *Ibid.*, p. 75.

³⁹ *Ibid.*, p. 178.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 151—154, 195.

няет доктор Лит Уэсту, — которые взялись бы диктовать народу или меньшинству, что и как нужно есть, пить и носить, как это, я полагаю, имело место в Америке ваших дней, были бы расценены как курьезный анахронизм»⁴¹. В идеальном обществе Беллами существует иная, негласная регламентация потребления, направленная против расточительства, культа вещей, слепой погони за модой, обезличивающих человека, заглушающих его духовные начала. В самом сознании личности заключены нравственные и интеллектуальные ограничители потребительства. Критикуя в своих романах не только капиталистические производственные отношения, политику, но и буржуазную культуру, Беллами решительно осудил пустивший в его время глубокие корни культ вещей и предвосхитил критику «общества потребления», с которой в начале XX в. выступил радикальный американский экономист Т. Веблен.

Один из самых важных и интересных моментов в исследовании идеального общества Беллами — его воззрения на право собственности. Дж. Уэст, знакомясь с отношениями собственности в Америке 2000 г., не сомневается, что право частной собственности искоренено здесь революционным образом. Действительно, общество в лице государства выступает в качестве единственного собственника земли, промышленных и торговых предприятий, жилья (сдаваемого в пользование членам общества за твердую, умеренную и равную арендную плату), обладает исключительным правом предпринимательской инициативы. Однако доктор Лит решительно возражает против определения Уэстом этого положения как «уничтожения частной собственности». Право частной собственности, горячо доказывает он, не только не отменено, но существенно упрочено в новой Америке⁴².

Доктор Лит использует типичные для буржуазной политэкономии понятия «частная собственность», «капитал», «акции» для характеристики отношений собственности в идеальном обществе. Однако при внимательном рассмотрении содержание этих понятий не имеет ничего общего с тем смыслом, который вкладывается в них при капитализме. Все члены идеального общества располагают абсолютно равной долей «акционерного капитала» в 100 тыс. долл. Она отдана в распоряжение государства, выступающего в качестве «общественного капиталиста» и выплачивающего индивидуальным «акционерам» 4-процентный ежегодный «дивиденд», который и приравнивается к «частной собственности». Все эти термины могут быть употреблены только в кавычках, ибо обладают чисто символическим характером. Ни один член идеального общества не имеет права распоряжаться закрепленными за ним «акциями»: он лишен возможности купить, продать и даже передать их по наследству. Выплата «дивидендов» на принадлежащие ему «акции» прекращается тотчас после его смерти, а сами «акции» передаются государству. Отмена права наследования опирается на отсутствие в идеальном обществе мотивов накопительства. Страсть к накопительству изжита в силу того,

что «частная собственность» не может быть использована в предпринимательских целях.

Анализ концепции собственности у Беллами позволяет выявить еще одну важную типологическую черту, объединяющую его систему с утопическим социализмом. Подобно другим социалистам, выступающим от имени всех общественных классов, он привносит в свою систему массу предрассудков, понятий, категорий, характерных для капиталистического общества, но наполняет их новым социально-экономическим содержанием. Обнаруживается со всей очевидностью, что социальные идеи американского утописта обращены преимущественно к разоряющейся мелкой буржуазии, для которой право на частную собственность, постоянно подверженную опасности экспроприации со стороны монополий, во все большей степени становилось иллюзией. Беллами же хочет показать, что только «национализаторская» система общественных отношений, уничтожившая подчинение «промышленности и торговли кучкой безответственных индивидуумов в целях их личного обогащения» и «передавшая функции управления промышленностью народу как коллективу»⁴³, способна обеспечить гарантированное право «частной собственности».

Важное место в социальных романах Беллами занимает критика посреднических корпораций. Но в отличие от мелкобуржуазных антимонополистических движений он предлагал не радикальную реформу денежного обращения, а полное уничтожение финансово-торгового капитала и рыночных отношений. Рыночные отношения и их атрибут — деньги — становятся излишними, как только нация превращается в единственного производителя всех создаваемых товаров и устраняется необходимость обмена между отдельными индивидуумами⁴⁴. В «национализаторском» обществе учреждается система «прямого распределения товаров из национальных складов». Каждый член общества получает все необходимые ему товары по простому предъявлению кредитной карточки — дивиденда.

Социально-экономическая проблематика почти безраздельно господствует в первом романе Беллами. Вопросы политического устройства общества и особенно политической демократии мало интересуют его. Более того, из первого романа можно вынести впечатление, что утопист не питает доверия к принципу народо-властия. Так, выборы президента республики и главнокомандующего «промышленной армии» вверены квалифицированному меньшинству — высшим руководителям промышленности. Такая концепция вступила в противоречие с устремлениями американского демократического движения, выдвинувшего в последней четверти XIX в. целую серию требований, направленных на развитие и утверждение «прямого народоуправства». Э. Беллами, принявший

⁴¹ Ibid., p. 214.

⁴² Bellamy E. Equality, p. 116.

⁴³ Ibid., p. 106.

⁴⁴ Bellamy E. Looking Backward, p. 72—73.

непосредственное участие в антимонополистическом движении уже после опубликования «Будущего века», постепенно приходит к принятию большинства политических требований популистской партии. К этому толкала его и сама концепция «революции», осуществляемой при помощи избирательных бюллетеней. В «Равенстве» Беллами уже включает в политическую систему идеального общества весь арсенал средств «прямой демократии»: право народа на законодательную инициативу и референдум по всем важным вопросам, право избирателей на отзыв депутатов, прямые выборы всех государственных лиц⁴⁵. И все же политическая концепция осталась самой слабой частью системы Беллами.

Воззрения Беллами — образец радикальной антимонополистической критики, переросшей в социалистическую утопию. История общественной мысли США эпохи монополистического капитализма демонстрирует множество примеров такого перерастания. Историческое место утопии Беллами определяется тем, что она первая среди них. Сам Беллами, однако, подобно ряду его последователей, не был готов назвать свои воззрения социалистическими. В письме к У. Д. Хоуэллсу сразу после опубликования «Будущего века» он так объяснил предпочтение им термина «национализаторский» термину «социалистический»: «Мои идеи по радикальности, кажется, превосходят социалистические, но все же сам я никогда не смог бы усвоить термин „социалистический“. У среднего американца он ассоциируется со вкусом нефти, Красным флагом, всевозможными сексуальными нововведениями и проклятиями по адресу бога и религии. . .»⁴⁶. Итак, отказ американского утописта от термина «социалистический» является одним из спсобов «американизации» своего учения.

Стремление Беллами к максимальной «американизации» своих идей объясняет как его отмежевание от европейских социалистических доктрин (что затрудняет выявление идейных истоков его утопии), так и настойчивые попытки вывести «национализаторские» требования из американской демократической идейной традиции. Увязать идеи обобществления средств производства и экономического равенства с самим «американским духом»⁴⁷, как того хотел Беллами, было невозможно без соответствующей препарации политических традиций США. Беллами воспользовался при этом излюбленным приемом всех американских демократов и радикалов — противопоставил «бессмертную Декларацию независимости», написанную «сердцем самого народа», и конституцию США, созданную законниками и не отражающую народного духа. Свою социальную систему Беллами рассматривает не более и не менее как реализацию «бессмертной преамбулы» Декларации в специфических экономических условиях конца XIX в.⁴⁸. Преамбула Декларации, провозгласившая равенство «естественных и неотчуждаемых» прав людей на свободу, жизнь и стремление к счастью, является одной из самых абстрактных и широких трактовок естественноправовой теории. Это позволяло американским социалистам всех поколений увязывать свои требо-

вания с принципами Декларации. Беллами, например, уверенно доказывал, что верность принципу равных неотчуждаемых прав Декларации в условиях вопиющего неравенства состояний требует их обобществления и проведения уравнительных мер волей гражданской власти. Он не отрицает, что это означает развитие традиционной американской демократии — равные политические права дополняются равными экономическими правами.

Отношение Беллами к американской демократической традиции заключает в себе очевидный парадокс: с одной стороны, мыслитель «вписывает» в нее свои социальные идеалы, с другой — выносит исторический приговор буржуазной демократии, ограничивавшейся провозглашением формально-политического равенства, но не способной гарантировать социально-экономические права человека. Такое критическое отношение к американской буржуазной демократии ярко обнаруживается в разделении ее истории на два этапа. Период до Гражданской войны мыслитель определяет как «негативный»: в это время республиканизм и политические свободы служили только прикрытием господства экономической аристократии. Второй этап — «позитивный» — начинается вместе с белламистским движением. По мере торжества социально-экономического равенства обретают жизнь и политические свободы — только теперь демократия наполняется реальным смыслом.

Социально-политические идеалы Беллами завоевали популярность в США в конце XIX в. благодаря радикальному характеру содержащихся в них ответов на злободневные вопросы. Злободневность не помешала, однако, им органически «вписаться» в традицию американского утопического социализма. Беллами первым развил ее применительно к новым историческим условиям, дал ей «выход» в XX в. В условиях относительной слабости позиций научного социализма в США, неразвитости классового самосознания американского пролетариата утопия Беллами, несмотря на ее ограниченность, сыграла положительную роль в приобщении широких масс американцев к антикапиталистическим идеалам. Ее популярность продемонстрировала наличие острых классовых противоречий в США, отразила антагонистическую природу американского капитализма. Историческое место белламистской системы определяется и тем, что она стала своего рода фундаментом, на котором развивается традиция радикальной критики капитализма в США новейшего времени.

⁴⁵ Bellamy E. Equality, p. 274.

⁴⁷ Bellamy E. Equality, p. 332.

⁴⁶ Цит. по кн.: Morgan A. E. Op. cit., p. 192—193.

⁴⁸ Ibid.